

От ненависти До любви

Читайте романы Аллы Полянской в серии

От ненависти До любви

ОДНА МИНУТА И ВСЯ ЖИЗНЬ
СЛИШКОМ ЧУЖАЯ, СЛИШКОМ СВОЯ
ПРОГУЛКИ ПО ЧУЖИМ НОЧАМ
МОЯ НЕЗНАКОМАЯ ЖИЗНЬ
ЖЕНЩИНА С ГЛАЗАМИ КОШКИ
НАЙТИ СВОЙ ОСТРОВ
ПРАВО БЕЗУМНОЙ НОЧИ
НЕВИДИМЫЕ ТЕНИ
ЧАСОВОЙ МЕХАНИЗМ ЛЮБВИ
НЕВОЗМОЖНОСТЬ СТРАСТИ
ВСТРЕЧА ОТ ЛУКАВОГО
ВДВОЕМ ПРОТИВ ЦЕЛОГО МИРА
ТАЙНЫ ВИРТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
ВИРУС ЛЖИ
ЕСЛИ ЖЕЛАНИЯ НЕ СБУДУТСЯ
ФАРФОРОВАЯ ЖИЗНЬ
ПРОТИВ ВЕТРА, МИМО ОБЛАКОВ
КТО НА СВЕТЕ ВСЕХ ТЕМНЕЕ

АЛЛА ПОЛЯНСКАЯ

КТО НА СВЕТЕ
ВСЕХ ТЕМНЕЕ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Полянская, Алла.

П54 Кто на свете всех темнее : [роман] / Алла Полянская. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (От ненависти до любви).

ISBN 978-5-04-093409-6

Светка резко выделяется среди работниц склада — слишком красивая, слишком скрытная, слишком сильно старается слиться с толпой. Конечно, рано или поздно кто-нибудь догадается, что документы у девушки подложные и даже имя чужое. Поэтому и нет у нее другого выхода, кроме как согласиться на странное предложение начальницы — в обмен на помощь с получением документов изгнать призраков из роскошного старинного особняка. Ее случайно принимают за медиума и даже не спрашивают, верит ли она в призраков. Но в странном доме девушку ждут не только призраки, реальные или мнимые, но и убийца, от которого она скрывается, и сводный брат, из-за которого она сбежала из дома, и ожившие воспоминания о давней семейной трагедии. И больше нет смысла прятаться под маской фасовщицы Светки...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093409-6

Copyright © PR-Prime Company, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

*...и нет ничего нового под солнцем.
Бывает нечто, о чем говорят: «Смотри, вот это новое»;
Но это было уже в веках, бывших прежде нас.
Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет,
не останется памяти у тех, которые будут после.*

Книга Екклесиаста

1

Говорят, что у кальмаров до определенного возраста есть мозг, но потом он отмирает — за ненадобностью. Видимо, в какой-то момент кальмар обнаруживает, что море везде одинаковое, еда более-менее доступна, с сексом проблем тоже не возникает, а природное любопытство, которое в детстве заставляло совать щупальца всюду, куда их можно было засунуть, под грузом первичных инстинктов угасло. И маленький любопытный кальмарчик с осмысленными глазками превращается в толстого безмозглого урода, которого остается только съесть, потому что он в интеллектуальном смысле что-то типа овоща на грядке. Это если принять на веру теорию о мышлении кальмаров. Если условно предположить, что она верна, это забавно.

Хотя вряд ли это мышление сродни человеческому. Но кто знает?

И я вот задаюсь вопросом: осознают ли кальмары тот момент, когда их мыслительная функция начинает отмирать? Чувствуют ли они приближающееся безумие, пугает ли их мысль о том, что мир вокруг постепенно гаснет, теряет краски в той части, которая не касается жратвы? Или они продолжают думать, что мыслят — ведь они ищут еду,

но уже не понимают, что это не мышление, это просто поиск еды.

А если предположить, что у некоторых кальмаров мышление каким-то образом все-таки сохраняется и они остаются в абсолютном одиночестве среди миллионов родственников-зомби? Они продолжают свое путешествие в океане, в поисках такого же разумного сородича — но находят ли? И только малыши-кальмарчики могут быть для них собеседниками, но они маленькие и не знают ничего такого, чего бы не знал этот чудом сохранивший мозг Другой Кальмар.

Вкушающий знание вступает на горький путь, да.

— Чего застыла?

Это Гоша, он же Козел Года, старший смены. Гоше под полтинник, и пик его карьеры — должность старшего кладовщика. Гоша страшно горд собой и считает себя альфа-самцом на вверенном ему складе. Его седые волосы завиваются мелким бесом, нос «уточкой» торчит среди глубоких носогубных складок, а вялый рот вечно перекошен в гримасе недовольства. Вся его щуплая фигура в серой спецовке унылая, как марсианский пейзаж. Но тем не менее Гоша считает своим долгом досаждать всем вокруг, причем это доставляет ему заметное удовольствие. Думаю, кто-то должен ему рассказать об онанизме, и когда он откроет для себя мир секса, то, возможно, перестанет быть таким козлом.

Впрочем, я в любом случае просвещать его не стану.

— Тут работы еще часа на два. — Гоша придиричиво смотрит на мешки с крупой, стоящие около моего стола. — А у нас большой заказ.

— И че?

— Работай давай, нечего зевать. Понабирают рото-зсев...

Гоша презрительно морщится, и его вялый рот оказывается в вертикальном положении. Иногда я представляю себе, как закапываю Гошу в куче соли.

Я фасую крупы на складе, если вы еще не поняли. И вокруг меня работают такие же тетки в серых спецовках, и они тоже фасуют крупы, при этом умудряясь обсуждать сериалы, какие-то рецепты и отсутствующих теток, а также Гошу. Мыслительная функция этих дам угасла в раннем пубертате, и я ощущаю себя среди них как тот, Другой Кальмар.

Да, блин, я самая умная, что не так?

— Светк, чего он от тебя хотел-то?

Это Валька, толстая, рыхлая и добродушная. Не знаю, сколько ей лет, но она работает рядом и не доставляет мне особых хлопот, и если бы она не сделала себе привычку присматриваться ко мне, ее присутствие было бы даже сносным, но пока я стараюсь держаться от нее с подветренной стороны.

— Без понятия.

— Взъелся он на тебя, похоже. — Валька шумно вздохнула. — Слышь, тетя Паша, чего это наш на Светку взъелся?

— А ему, козлу, как новая баба, так он тут же начинает перед ней начальника из себя строить. — Пожилая тетка, работающая наискосок от меня, не отрываясь, фасует рис. — Санька, тащи еще два мешка! А то ты не знаешь, как он любит из себя большую шишку показать, а чуть начальство увидит, то глядишь — а он уже, как пес, на брюхе ползает. Ты, Светка, не обращай внимания, он лает, да не кусается, у нас фасовщиц берегут — востребованная профессия, значит. На всех складах мы нужны, без нас конец отгрузкам, не нафасуем — грузить нечего будет, так что если он тебя станет зря донимать — пожалуйся Людмиле, она ему таких люлей выпишет, что он забудет сюда дорогу.

Людмила — толстая приземистая тетка... Впрочем, ее принадлежность к женскому полу я вычислила не сразу. Всегда одетая в серые штаны и куртку, очень коротко стриженная, с грубым квадратным лицом и низким голосом. Людмила заведует всеми складами и фасовочным цехом — это если я правильно поняла ее положение здесь.

И она очень не любит, когда ее персонал увольняется.

— Недавно грузчики уволились почти все, а у нас объемы большие, пять-шесть фур приходит на разгрузку каждый день, и на загрузку не счесть. Это до тебя еще было, Светка. — Тетя Паша проворно открыла новый рулон с пакетами. — И тут, представь, уволились почти в полном составе. Торговые агенты грузили машины для клиентов, вот до чего дошло! Людмила из трусов выпрыгивала, а что оказалось? У нас для грузчиков шестидневка, и график — двенадцать часов каждый день, на такой объем надо две смены грузчиков. А рядом открылись два склада, где им предложили нормальные условия на те же деньги! Вот они и разбежались, пришлось Пашковскому менять условия, никто не шел на нашу шестидневку с двенадцатичасовым рабочим днем и погрузками-разгрузками по шестьдесят тонн в день на человека, вот как! Сейчас даже я могу себе работу найти запросто, если что — с руками оторвут, и это в моем-то возрасте, Людмила насчет этого в курсе. Уйди любая из нас — объем производства сразу снижается, а у них заказы, им надо, чтоб объем сохранялся! Так что если Георгий будет тебя доставать — иди напрямиком к Людмиле, она ему расскажет, почему в Одессе рубероид.

Меня сюда взяли сразу, как только я пришла, даже оригиналы документов не попросили, довольствовались копиями. Это оказалось очень удачно, потому что оригиналов у меня и нет, и копии-то оказались в наличии чисто случайно. Причем копии не моих документов, вот

что смешно — нашла целую пачку недалеко от кредитной конторы, выбросили их, а я подобрала себе новую личность. Но в здешнем отделе кадров довольствовались обещанием принести оригиналы когда-нибудь в обозримом будущем, и теперь я понимаю, почему так вышло: спрос на кальмаров без мозга очень высок, но мало кто готов признать, что он безмозглый кальмар.

— Светк, ты после работы куда? — Валька выполняет работу автоматически, ее руки живут собственной жизнью.

— На реку пойду. А что?

Идти-то мне больше особо и некуда, а на реке я могу помыться. Мне это очень нужно.

— Да я хотела в магазин сходить, мне платье надо бы... Думала, может, ты со мной сходишь.

— Поглядим.

С чего Вальке вздумалось позвать меня, я не знаю, но она упорно клеится мне в подруги. Я понять ее интереса не могу, но и отталкивать тоже не стану. Мое выживание напрямую зависит от умения взаимодействовать с окружающими.

Сашка-грузчик подвез на электрокаре мешки, и я с тоской сморю на них — до конца рабочего дня еще три часа, но нипочем не успеть мне нафасовать столько гороха.

— Гоша сказал тебе привезти. — Сашка пожал плечами на мой немой вопрос. — Не успеешь...

— Совсем спятил, козлина! — Валька с сомнением смотрит на мешки. — Это до ночи фасовать.

— Говорит, заказ большой...

Я молча продолжаю работать. Горох стучит, ссыпаясь в пакет, нужно обязательно в точности отмерить вес, потом запаять пакет на специальном устройстве и сбросить в ящик. Нехитрая работа, и за четыре дня я ее вполне осво-

ила, но не настолько, чтоб за три часа перефасовать пять мешков. Или успею? А ведь было бы смешно — успеть.

— Погоди, вот я закончу и помогу тебе. — Валька сокрушенно кивает. — Это ж немыслимое дело.

— Говорю — пожалуйста Людмила. — Тетя Паша с сомнением смотрит на мешки. — Сомневаюсь я, что это заказ, просто куражится, гад.

Не хочу я жаловаться, не хочу привлекать к себе внимания, и вообще я только недавно сюда пришла, и мне во что бы то ни стало нужно затеряться среди стаи кальмаров, чтобы никто не заподозрил, что я — Другой Кальмар.

А потому мне надо отключить голову и сосредоточиться на процессе. Я умею выполнять монотонную работу, она меня не раздражает и не напрягает, если я знаю, зачем мне это нужно. А мне сейчас это очень нужно, выхода нет.

— Ого!

Я вынырнула из гороховой пыли, чтобы посмотреть, кто это решил посчитать производительность моего труда.

Я не слышала, как подошла Людмила, а она стоит рядом и смотрит на ящики, полные пакетов гороха, с озадаченным интересом.

— Это же сколько ты сегодня... Две нормы сделала?

Я пожала плечами — тут все три, скорее, и я успела.

— Даже три, я думаю, — продолжает Людмила. — Это зачем же ты?..

— Да разве она сама?! — Валька тут же вмешалась. — Георгий тут который уж день бегал вокруг нее, ныл все: ротозеев понабырали! А потом часа три назад Санька привез еще пять мешков и говорит: велено нафасовать до конца дня. Ну, вот она и фасовала.

— Головы не подняла за день, в туалет — и то не сбегала и не обедала. — Тетя Паша тоже решила наябедничать. — Который день он девку пилит ни за что, а она,

знай, работает молча, а ему это, может быть, обиднее всего — что молчит, значит.

— Георгий, значит? — Людмила прищурилась, потом снова обратила взор своих маленьких серых глаз на ящики, в которых громоздились бесчисленные пакеты с горохом. — Ну, за переработку тебе заплатят, конечно, тут разговору нет. Но больше такой стахановский подвиг повторять не надо, норму сделала — все, встала и ушла.

Она взяла из ящика пакет наугад и бросила на весы.

— Вес точный. Ладно же. — Людмила достала из кармана потрепанный блокнот, что-то написала в нем, оторвала страницу и вручила мне. — Ступай сейчас в кассу, деньги получишь по факту, чтоб потом бухгалтерия не путалась, мы-то официально твою переработку провести никак не сможем.

— А касса где?

— В центральном корпусе, на первом этаже. Ступай прямо сейчас, а я Васильевне позвоню, чтоб выдала без проволочек.

Я встаю, ощущая, как затекло все тело. Эта работа меня убивает, но она мне очень нужна.

Офис с большими стеклянными окнами, внутри светло и уютно, столики девчонок-менеджеров расставлены так, чтоб они не мешали друг другу и свет падал одинаково. На стойках цветы, ряд пальм и фикусов отделяет рабочую зону от небольшого пространства с круглыми обеденными столиками.

Да, обстановка знакомая.

Касса — стеклянная будка в углу. Я сую в окошко записку, которую мне выдала Людмила.

— Вот тут распишитесь.

Я молча расписываюсь, беру из кассы купюры и прячу в карман. Сумма оказалась неожиданно большой по сравнению с моими ожиданиями, и это настраивает меня на

миролюбивый лад. Денег у меня нет вовсе никаких, аванс обещают только на следующей неделе, так что эта неожиданная прибыль очень кстати.

— Светк!

Блин, да что ж она вцепилась в меня!

— Я твой рюкзачок взяла, держи. — Валька смотрит на меня виновато. — Светк, ты робу-то сними, я подожду. Ну, вот позарез мне надо платье, а я сама не смыслю. А девки все замужние, по домам торопятся, только ты вроде бы одна.

— Валь, мне домой надо, помыгться...

— А я тут рядом живу, через дорогу. — Валька умоляюще смотрит на меня. — Я тебе полотенце чистое выдам и прочее что полагается. А потом сбегает в магазин, ладно?

Я вздыхаю — скорее с облегчением. Я не мылась в ванной уже больше недели, только в реке, а это, как вы понимаете, совсем не одно и то же.

— Ладно, идем. Только я спецовку хотела забрать, ее постирать нужно.

— Сейчас придем ко мне, в машинку забросим, пока вернемся — и высохнуть успеет. — Валька помогает мне снять серую рабочую куртку. — Пылица у нас, конечно...

Мы выходим за ворота и ныряем под железнодорожный мост.

— Вот тут я живу, на Рекордной, — только дорогу перейти, и уже на работе.

Дом стоит торцом к улице, и живут тут только неудачники — в тридцати метрах железнодорожное полотно, и гроыхает оно круглосуточно. Чтоб обитать здесь, надо совсем уж не иметь возможности переехать. Но я бы жила, если бы...

— А я и привыкла уже и к шуму, и к тряске. — Валька тяжело поднимается по узкой лестнице. — Светк, ты извини, что я к тебе пристала, но у меня, понимаешь, про-

блема есть — не разбираюсь в шмотках совсем. Ну, и толстая же я, конечно. И надо мне, чтобы кто-то со стороны поглядел.

— Да ладно, ничего.

— Все, пришли. — Валька, отдуваясь, ищет ключи. — Третий этаж. Вроде бы и невысоко, а мне тяжело. Худеть надо, конечно...

Квартира оказалась двухкомнатной, и я точно знаю, что такая планировка называется «книжка». В меньшей комнате есть большая кладовка, в которой многие делают гардеробную. У Вальки там, скорее всего, хранится консервация.

— Держи, вот тебе полотенечко. — Валька протягивает мне розовое махровое полотенце. — Погоди, давай сначала стиралку загрузим. У тебя только роба или еще что-то есть? Ты бросай все, чего там стесняться.

— Ладно, я сама включу.

Конечно, у меня катастрофа с чистой одеждой. Я стираю вещи в реке, но это совсем не то, что машинка.

Разбираю рюкзак и нахожу последние чистые джинсы и еще ненадеванную майку, которые я берегла на случай совсем уж тупика, и этот тупик наступил сегодня, но боги послали мне Вальку. Искупавшись, надену это и последний чистый комплект белья, остальное сейчас пойдет в стирку, слава богам. И я хочу набрать ванну, полежать в пенке... Душ я не слишком жалую, ванна — совсем другое дело.

— Кушать иди. — Валька чем-то гремит на кухне, оттуда вкусно пахнет. — Я борщик разогрела, вчера готовила, поедим. Не бог весть что, но моя мама всегда говорила, что нужно есть первое блюдо обязательно, а на работе что — сухомытка сплошная, а ты и того не ешь!

Борщ горячий и очень вкусный, я ощущаю себя словно заново родившейся.

— Я тоже люблю в ванной полежать, но мне тесно там. — Валька собирает посуду и наливает в стаканы вишневый компот. — Вот, печенье бери, конфетки. Поедим и пойдем, а машинка пусть стирает, придем и развесим на балконе, сейчас тепло, быстро высохнет. Светк, а ты где живешь?

— На Глиссерной.

Не говорить же ей, где я на самом деле живу. А Глиссерная — это такой край географии, почти за городом, за речным портом, что смысла нет туда ехать, если вдруг кому-то пришло бы это в голову.

— О-о-о, это очень далеко. — Валька покачала головой. — Слушай... Вот пока мы в магазин, а потом пока шмотки высохнут — ну, что тебе ехать в такую даль вечером? Оставайся у меня, я тебе на диване постелю, а завтра прямо отсюда на работу побежим. Шутка ли — с Глиссерной тебе часа два добираться, не меньше! Оставайся, Светк, я на вечер киселя наварю, вкусный кисель у меня получается.

— Ладно, поглядим.

Конечно, я хочу остаться. Конечно, я хочу переночевать в квартире, на чистой постели, а перед сном снова полежать в ванне или принять душ, и утром тоже. И поесть горячего, и не бояться засыпать. И радоваться цветущим катальпам, а не дергаться от каждого шороха. Человек — существо домашнее, и если у него нет своей благоустроенной и относительно безопасной пещеры, он дичает очень быстро.

— Вот и магазин. — Валька смущенно смотрит на меня. — Ты не была здесь?

Зеленая вывеска с белыми буквами — «Бункер». Нет, конечно, я здесь никогда не была. Здесь, судя по всему, изначально размещалось бомбоубежище, а ушлые коммерсанты, устав ждать бомбежек, устроили магазин. Бетонная

лестница ведет вниз и вниз, здесь прохладно, только гудят огромные ветродуйки — вентилируют воздух.

— Это «секонд». — Валька вздохнула. — На рынках и в магазинах — дорого и размеров нет. Вот приходишь в магазин, а там мало того, что любая тряпка дурных денег стоит, так еще стоят эти тощие мелкие кильки и презрительно так: женщина, у нас нет ваших размеров! А здесь можно найти, и все почти новое. Вот поглядишь, может, и себе что-то присмотришь.

Я оглядываю ряды висящих шмоток — ну, не знаю, подойдет ли мне здесь что-нибудь. Народу много, все деловито перебирают вешалки, кое-кто даже корзину взял — пластмассовую, как в супермаркете. Да, этот магазин здорово пригодился бы мне когда-то.

Но прошлого не вернуть, к счастью, а потом пришло время, когда я покупала шмотки только в лучших магазинах, и это меня слегка испортило.

— Ладно, ты тут погляди, а я как найду что-то себе, то тебя позову.

Я не должна выделяться, потому начинаю перебирать вешалки с вещами. Как ни странно, мне сразу попадается майка от известной фирмы, на ней болтается магазинная этикетка. Я оглядываюсь на кассу — там висит цена за килограмм. Что ж, майку я, пожалуй, возьму.

— Светк!

Валька уже набрала ворох каких-то вещей и стоит в очереди у примерочных.

— Я буду мерить, а ты смотри.

Уговор дороже денег, буду смотреть, что ж. Тем более что у меня никогда не было подобного опыта, я представить себе не могла, что подобный магазин пользуется такой популярностью. Но посетители выглядят очень прилично, и я вспомнила ряд неплохих машин, припар-